

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная
корпорация»*

ИВАН БИЛИБИН: МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНОЙ

Литературное расследование биографии знаменитого русского художника-графика в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК. К 4(16) августа - ...-летию со дня рождения.

Более народного художника, чем **Иван Билибин** (1876 -1942), прославившегося иллюстрациями к сказкам и оформлением спектаклей, в России не было. Публика любила его за то, что так, как он, персонажей русских сказок еще никто не рисовал. В его рисунках были безупречное техническое совершенство, модернистские изящество, ирония и глубинное, идущее от земли и семейных корней ощущение русской культуры. Иван Билибин был понятен и аристократу, и мужику. За безупречно точную линию коллеги-художники прозвали его *«Иван - железная рука»*.

5 августа 2014 года в литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» прошло литературное расследование, позволившее чуть ближе прикоснемся к биографии одного из лучших русских художников- графиков. Читатели смогли также посмотреть документальный фильм *«Иван Билибин и Александра Щекотихина-Потоцкая. Больше, чем любовь»*.

Художник прожил долгую и успешную жизнь. Юридический факультет Петербургского университета, учеба у **Ильи Репина**, ранняя слава... Он был одним из первых в объединении «Мир искусства», много зарабатывал и жил на широкую ногу. Работы Билибина покупали миллионеры и придворная знать. Почему же он был недоволен?

Но вот началась революция, людям стало не до художеств, все рухнуло в черную яму. Из России эмигрировали те, кому большевики были страшны, а чего мог опасаться Билибин? К чему ему было уезжать? Друг художника **Александр Яблоновский** считал его отъезд в Египет величайшей глупостью. Прав ли он был?

Ивана Билибина любили женщины - а как же иначе, ведь он был знаменит, обаятелен и красив. В его жизни было две большие любви - русская англичанка **Мария Чемберс**, ставшая первой женой, и его вторая, гражданская жена, **Рене О'Коннель**, бывшая ученица. Но обе бросили его. Почему?

Чем Билибину были обязаны сестры Чириковы, и какую роль в его жизни сыграла **Людмила Чирикова**? Зачем он охотился за фантомом, пытался удержать то, что, словно солнечный зайчик, ускользало у него из рук? Зачем хотел переиграть судьбу, мучил самого себя? Догадывался ли о том, что это растянется на много лет?

С третьей женой - **Шурочкой Щекотихиной-Потоцкой** - Билибин был счастлив, дела шли хорошо, семья жила в Александрии, Каире, Париже... Однако, зачем художник большую часть жизни проживший за границей, за шесть лет до смерти вернулся в Россию?

На вечере в библиотеке читатели - активисты ее литературного клуба - попробовали ответить на все эти вопросы. Заодно проверили, правду ли говорят так любимые Билибиным русские сказки о том, что для того, чтобы разрешить тупиковую ситуацию, нужно сначала прыгнуть в ледяную воду, а потом окунуться в кипяток? Риск свариться всегда есть, но, если этого не произойдет, правда ли, что человек станет другим - более сильным и смелым?

Итак....

Жизнь не удалась...

1920-й год. Пароход «Саратов» встал у причала в Александрии. 13 марта путешествие подошло к концу, трехнедельный ужас закончился. На берег спустили багаж - несколько тысяч беспорядочно сваленных в трюме тюков. Их разобрали пассажиры, в которых трудно было признать людей из приличного общества: профессора и предприниматели, офицеры и петербургские дамы долго спали в трюме или на палубе, оголодали, обносились и скверно пахли. После карантина их ждал лагерь беженцев в Тель-эль-Кебуре, будущее было туманным.

Но известный художник Билибин, звезда «Мира искусств», думал не об этом... Иван Яковлевич был влюблен, а ему предпочли другого. Приехав в лагерь, он обменял золотые запонки на четыре бутылки кислого красного вина... Их художник выпил за час, следующие две обошлись ему в золотую, с сапфиром, булавку для галстука. Прикончив и их, Билибин добился того, чего хотел. Голова закружилась, полотняные стены палатки в лагере Тель-эль-Кебир раздвинулись, из его жизни исчезли пароход «Саратов» и не нужный ему Египет, в котором надо было жить. Он снова вернулся домой, в Петербург, в дом номер 11 на Мытнинской набережной.

Ему сорок четыре года. Барышне, в которую он влюблен, всего двадцать пять, и она относится к нему как к старшему брату. Он женат - девять лет назад первая жена ушла от него, забрав двоих детей, и он так и не смог добиться развода. В его жизни было две большие любви, и обе бросили его, не выдержав запоев.

Ему представилась его жена, русская англичанка **Мария Чемберс**. Их семья обедает, он пытается заговорить с сыном, но **Саша** отвечает ему, уткнувшись в тарелку. Он хочет сказать что-нибудь доброе жене, но у нее до того кислое лицо, что сам собой срывается вопрос: «*Сколько уксуса ты сегодня выпила?*» Мария аккуратно кладет на стол ложку, встает и уходит, дети хмурятся. Все это было - и ему ничего не удалось изменить.

А вот его вторая, гражданская жена, **Рене О'Коннель**, бывшая ученица. До чего же она красива! Со времени их расставания прошло три года, и он все еще ее любит... У них гости, на столе - бутылки и закуска. Рене в русском наряде с кокошником, том самом, в котором позировала ему для Стрельчихи, когда он делал иллюстрации к сказке «*Поди туда - не знаю куда...*»

Все веселы, он балагурит, поет частушки, рассказывает о том, как его дед, «*потомственный почетный алкоголик*», ночью подшофе распугивал мешавших ему спать соловьев: «*Кыш, проклятые!*». Гости хохочут, Рене недобро на него поглядывает.

Он знает, в чем тут дело: веселый хмель у него быстро сменяется печальным, а потом и злым. Гости уйдут, а ей придется возиться с ним и завтра: он не остановится до тех пор, пока не выпьет все, до чего сможет добраться. Их ждет грандиозный семейный скандал, потом он станет просить у нее прощения... Надо остановиться, но он не может, ему так весело и хорошо!

Билибин часто увлекался женщинами - и это ни к чему путному не привело. И вот на пороге старости он встретил человека, без которого не может жить, и бежит за ним на край света, бросив любимое захолустье, в котором мирно пересидел всю Гражданскую войну. А он ей не нужен, и это как стена: хочешь - молоти в нее кулаками, хочешь - бейся лбом...

Но теперь он знал, что жизнь не удалась - ее необходимо изменить.

К чему было уезжать?

Иван Яковлевич Билибин спал на армейской брезентовой койке во временном лагере: англичане построили его для пленных турок, а потом поселили в нем русских эмигрантов. Палатки были обнесены колючей проволокой, вокруг раскинулась пустыня. Около раскладушки валялись пустые бутылки, рядом с Билибиным сидел его

приятель, журналист **Александр Яблоновский**. На полу (стола в палатке не было) - пакетик с молотым черным кофе, рядом - вывезенная Яблоновским из Новороссийска чекушка водки - он собирался опохмелять друга. Яблоновский готовил опохмелку по собственному рецепту, взбивал в бульонной чашке четыре купленных у араба яйца.

Лагерь был ужасен, но по сравнению с пароходом «Саратов» он казался землей обетованной: тут был врач, их кормили, можно было получить пропуск и съездить в Каир. Билибин приподнялся и открыл глаза. Все на свете когда-нибудь кончается, в том числе и запои.

На пароходе «Саратов» Билибин не отходил от **Людмилы Чириковой**, опекал и ее сестру **Валентину**. О том, чем они ему обязаны, знали многие - когда сестры Чириковы свалились от тифа, Билибин заботился о них, доставал еду и лекарства. Их отец, писатель **Евгений Чириков**, сосед Билибина по кооперативному крымскому землевладению Батилиман, устроил дочерей в больницу и отправился на Перекоп - выручать мобилизованного в белую армию сына-гимназиста, вместе с ним уехала мать девушек.

Вернуться в Новороссийск они не смогли: белые проигрывали Гражданскую войну, поезда перестали ходить. Билибин навещал оставшихся без поддержки сестер по два раза в день, а после выписки взял их на свое попечение. К Новороссийску приближался фронт, продуктов в городе не было. Художник за бесценок продавал свои этюды и покупал для девушек кур, молоко и вино, доставал мандарины, приводил врачей. Пойдя на поправку, сестры капризничали, им хотелось и того, и другого, и Билибин играл роль доброго волшебника.

Белый фронт трещал, а Евгений Чириков работал в ОСВАГе, информационно-осведомительном агентстве белой армии, - ему надо было бежать из России. Чириковы-старшие эвакуировались из Крыма, девушки засобирались вслед за родителями, за Людмилой потянулся и Билибин...

Александр Яблоновский считал это величайшей глупостью. Бежали те, кому большевики были страшны, а чего мог опасаться Билибин? К чему было уезжать? С сентября 1917 года он жил в своем стоящем на берегу моря домике в Батилимане, на земле, в складчину купленной петербургскими интеллигентами, художниками и литераторами. Когда хотел, рисовал, а то гулял вместе с рыбаками, сидел с ними у костра, пел и пил - и никто его за это не пилил. Что может быть лучше такой жизни?

Людмила Чирикова выросла на его глазах - дочь соседа, она приезжала в Батилиман совсем маленькой девочкой. Шли годы, Билибин остался один, девочка превратилась в барышню - и однажды ему показалось, что без нее он не сможет жить. В результате Иван Яковлевич оказался среди рвущихся на борт «Саратова» обезумевших людей, а потом и на плывущем неведомо куда Ноевом ковчеге.

На пароходе вскоре начался тиф, капитан поднял особый, желтый флаг - и их не приняли ни в Константинополе, ни на Кипре. К пароходу подходили лодки, дамы бросали в них золотые кольца, в ответ летели кулечки с шоколадом и апельсинами. Тут-то Людмилу Чирикову и стали видеть с молодым офицером, а Иван Яковлевич загрузил. К тому же ему казалось, что старая знакомая Чириковых, опекавшая сестер петербургская дама, говорит о нем гадости...

В гостях у фараона Хеопса

Кормили в палаточном лагере скверно. Брезентовые стены раскалились от полуденного зноя, в соседней палатке пели донские казаки. Съездить в Каир можно было только с разрешения коменданта и лишь в том случае, если у желающих были деньги на обратный билет: обитатели Тель-эль-Кебира считались «гостями короля Георга» и были ограничены в правах.

Однажды его посетили английские дамы-благотворительницы, ужаснулись тому, что увидели, и прислали в Тель-эль-Кебир несколько ящиков модных женских шляп из итальянской соломки.

Пассажиры «Саратова» быстро впадали в меланхолию и опускались, но вышедший наконец из запоя Билибин не собирался следовать их примеру. Он брал пропуски и ездил в Каир, где познакомился с людьми из доживающего свой век российского императорского консульства, после чего снял номер в отеле «Континенталь». Никого не представляющие теперь дипломаты оказались хорошими людьми и помогали соотечественникам как могли. Консул обещал познакомить его с заказчиками.

Дни Ивана Билибина состоят из ярких, накладывающихся друг на друга впечатлений: от жары, ярких красок и непривычных запахов гудит голова, ноги ноют от ходьбы.

Египет - не лучшее место для художников: ислам не признает изображений живых существ: человеку негоже соперничать с создавшим их Аллахом. Но Египет давно находится под протекторатом Великобритании, и здешняя знать усвоила западные привычки. К тому же тут есть значительная европейская колония и, главное, многочисленная греческая диаспора - богатые чванные торговцы, каждый из которых хочет отделать свой дом лучше, чем у других. А древней коптской христианской церкви нужны иконы, но писать их тут, в общем, некому: хороших художников в Египте нет.

У этого есть и оборотная сторона: заказчики не понимают, что хорошо, а что плохо. Они едва ли отличат картину Репина или Бенуа от творчества какого-нибудь отставного русского полковника, от руки раскрашивающего фотографии... Здешний рынок необъятен - вот только как его завоевать?..

Кажется, жизнь налаживается...

И все же дела обстояли неплохо: консул устроил ему заказы на портреты и декоративные панно. Художник получил авансы, приглядел жилье на улице Антик-хана, рядом с арабским базаром. Подписал документ, освобождающий Его британское величество от ответственности за господина Билибина, и вот он уже не «гость короля», три раза в день получающий маисовую кашу с консервированной говядиной, а апатрид, человек без гражданства, выживающий на свой страх и риск.

Но это Билибина не пугало. В прошлом остались Петербург, учеба у Репина, морозы, блестящий на солнце шпиль Петропавловки, слава - теперь странным кажется то, что еще недавно его узнавали на улицах. Он выдвинулся очень рано, но все это не имело значения - над ним сияло африканское солнце, надо было жить и выживать на земле фараонов.

У него было жилье и несколько десятков фунтов в кармане. Жизнь продолжалась.

Охота за фантомом

Но ради чего стоило жить? Он точно знал ответ: жить надо ради Людмилы. Все, что он делает, должно служить ей. Людмила Чирикова была самой обычной девушкой, русской барышней из хорошей, интеллигентной семьи. Высокая и статная, скуластая, с большими глазами, очень немногословная... У нее была своя несчастная любовь, излияния Билибина казались ей обузой, а его 44 года - старостью. Полюбить художника она не могла. Тот, в кого девушка была влюблена, уехал из Египта в Европу, ее сердце пустовало, но для Ивана Билибина в нем не находилось места.

В Каире образовалась русская танцевальная труппа, несколько раз выступившая в ночных клубах. Новых развлечений в Каире было немного, русским артистам аплодировали. Людмила Чирикова танцевала гопак, хлопали и ей.

У труппы появился импресарио, зашла речь о гастролях по египетской провинции. Импресарио начал ухаживать за Людмилой. Она решила купить необходимую ей для выступлений зеленую шелковую юбку. Деньги на немислимо дорогую покупку для еще не успевшей встать на ноги эмигрантки обещал ссудить импресарио. Импресарио казался Билибину прохвостом и ловеласом, шелковая юбка - хитро расставленной ловушкой, первой ступенью на пути к падению.

Он забрасывал Людмилу Чирикову письмами. Из запоя Билибин выходил медленно, и поначалу послания были путаными и сбивчивыми, в них сквозила обида. Художник перечислял свои благодеяния, хлопоты во время ее болезни - а ведь у него слабое сердце, заразившись от нее тифом, он мог умереть. Сюда попали и мандарины, которые казались ей кислыми, и он безропотно доставал другие, сладкие, - это в 1920 году, в голодном Новороссийске! А пешие путешествия в норд-ост с корзиночкой продуктов? Это было крайне опасно, он мог простудиться - а у него слабое сердце... Художник мельтешил и говорил лишнее, оправдывался за то, что во время ее болезни пил... Да, пил, но с нужным человеком, врачом. И немного...

Потом его письма стали яснее и бодрее. Он снял для Людмилы чудесную комнату в Ассоциации юных христианок, там она будет защищена от всего, что грозит молодой и красивой барышне в чужом городе. У него появилась мастерская, для того чтобы справиться с заказами, ему нужна помощница - «коллаборатриса».

Он обещал ей защиту, деньги в долг, жалованье, а взамен не просил ничего. Все слова уже были сказаны, объяснение состоялось на пароходе: художник предложил барышне Чириковой любовь, она ему - дружбу. Сейчас он охотился за фантомом, пытался удержать то, что, словно солнечный зайчик, ускользало у него из рук. Людмила была близко, счастье - невозможно. Он хотел переиграть судьбу, мучил самого себя и не догадывался о том, что это растянется на много лет.

Быть рядом с ней для него - радость. Но мука в том, что на предложения, которые он делает ей каждый месяц, Людмила Чирикова отвечает «нет», а помощницей стать соглашается. Художник не знает, что хуже: видеть ее каждый день или расстаться. Но зависит это не от него: старшие Чириковы обосновались в Европе, скоро Людмила уедет к ним. Их роман заканчивается, толком так и не начавшись, - можно ли любить девушку, которая окажется за тридевять земель и превратится в воспоминание, фантом? Иван Билибин готов отдать высокой и скуластой барышне все, что у него есть, - но той ничего не надо. Она уезжает, а его чувство, как ни странно, становится только сильнее.

Египетская эпопея

...На арабском базаре поют слепцы, кричат, звонят в колокольчики продавцы напитков и бананов, через толпу пробираются феллахи на мелко семенящих осликах, над толпой проплывают верблюды... Для человека, с молодости влюбленного в русскую старину и русский Север, обилие резких, не похожих на то, чем он жил раньше, впечатлений кажется чрезмерным - Билибин тонет в новых красках, запахах и звуках. И в то же время он чувствует, что это может стать спасением.

Волею судьбы он оказался на краю света, там, где не знают толка в искусстве, а лед можно найти только в лавке мороженщика. Барышне, которую он любит, нет до него дела. Это тупик, но из него можно выйти так, как в любимых им русских сказках: надо прыгнуть в ледяную воду, потом в крутой кипяток - и ты или сваришься, или станешь другим человеком...

Но пока что нужно работать. Дом на улице Антик-хана прибрали, из углов вымели пыль и пауков, помыли полы, расставили мольберты и рабочие столы. И художник Билибин, «Иван - железная рука», принялся работать напряженно, как никогда в жизни.

В мастерской творят он, его помощницы Людмила Чирикова и **Ольга Сандер**, а еще донской есаул, до Каира имевший дело с шашкой, а не с красками. Есаул многое

портит, но Билибин не хочет расставаться с хорошим человеком - на что казак будет жить в Египте? Заказы поступают один за другим, есаул чересчур жирно накладывает золотой фон и от отчаяния нервничает, в ответ на выговоры ворчит: *«Ну, так побейте меня!»*

Монахи греческого монастыря недовольны тем, как выполнен заказ, - им хотелось что-нибудь слащавое, в итальянском духе, а Билибин сделал великолепную стилизацию под Византию, которой они не поняли. Святые отцы все же заплатили, но он так расстроился, что запил, арендовал верблюда и несколько дней, хмельной и несчастный, разъезжал на нем по окрестностям Каира.

И все же дела идут: у него появляется имя, он понемногу обрастает хозяйством. В дом забирается бродячая египетская собака: она прячется в стенном шкафу и рождает там двух щенков. Кормящая мать получает имя **Муфта**, щенков называют **Хеопсом** и **Клеопатрой**. В честь их рождения Билибин закатывает банкет с вином и богатым столом, созывая всех своих приятелей из русской колонии. Он живет так, как должен жить художник: весело, в трудах, не думая о завтрашнем дне.

Трудный выбор

Все идет своим чередом. Появляются новые заказчики. Муфта умирает, а щенки выросли и ведут себя в доме, как хозяева. Время от времени приходят письма из России: брат пишет, что он теперь один из первых людей в своем университете, но его семья голодает.

Иван Билибин понимает, что ему надо благодарить судьбу, но к сердцу подступает тоска, и он чувствует, что вот-вот сорвется в запой. С ним работают врачи, доктора пробуют разные способы: один лечит его от алкоголизма гипнозом, другой колет ему стрихнин. Но когда на тоску по Людмиле накладывается огорчение от неудачного разговора с заказчиком, он заходит в кафе и выпивает рюмку водки, затем просит другую. А через неделю в письме к Людмиле рассказывает о том, что снова сорвался. Билибин кается неспроста - ему хочется, чтобы она его пожалела.

Вскоре Иван Билибин замечает, что его жизнь разламывается на две части. Одна - реальная, проходящая в Каире, в ней он работает, общается с друзьями, ест и пьет. А другая сосредоточилась на коротких письмах от Людмилы, приходящих очень нерегулярно.

Призрачная жизнь куда более важна: художник с замиранием сердца следит за тем, что она ему о себе рассказывает. Билибин ужасается, узнав, что в Берлине Людмила снова встретила того, кто однажды уже разбил ей сердце. Билибин шлет ей деньги, предлагает стать своим представителем в Европе. Снова делает предложение, обещая тихую пристань, а она опять ему отказывает.

Злясь и тоскуя, он медленно вползает в новый запой, и тут зимой 1922 года, вскоре после отъезда Людмилы, ему приходит письмо из России.

У его гражданской жены, красавицы Рене О'Коннель, имелась подруга **Александра Щекатихина**, дочь купца-старовера из украинского города Александровска. Шурочка Щекатихина была девицей красивой, похожей на индийскую танцовщицу-баядерку, но неразговорчивой и застенчивой. В их развеселой компании она держалась особняком.

Некоторое время Щекатихина жила в их с Рене квартире. Однажды Билибина, задремавшего с похмелья, разбудил жалобный писк: проснувшись, он увидел, что девушку тискают и пытается поцеловать его ученик, **Иван Мозалевский**. Тогда он совершил рыцарский поступок - вытолкнул Мозалевского из квартиры и крикнул ему вслед: *«Не смей обижать Шурочку!»*

Шурочка училась в Обществе поощрения художеств, где он преподавал, позже у них приключился короткий, совсем мимолетный роман. Затем она вышла замуж за

человека из их компании, присяжного поверенного **Николая Потоцкого**, родила ему сына и через несколько лет осталась вдовой.

Сейчас Шурочка Щекатихина-Потоцкая прислала ему простое и доброе письмо. А он, хмельной и полубезумный от тоски, ответил ей телеграммой: *«Будьте моей женой. Жду ответа»*.

Вскоре пришел ответ: *«Согласна при условии не разлучаться с сыном»*.

И тогда он окончательно растерялся. Иван Яковлевич начал писать бесконечное, состоящее из многих частей письмо Людмиле Чириковой, которое он никак не мог отправить. Билибин спрашивал у Людмилы совета, вновь делал ей предложение. Говорил, что Шурочка, как и он, устала от жизни, и они могут сделать друг друга счастливыми. Но ради Людмилы он махнет рукой и на счастье. Он просил девушку поскорее ему ответить, писал, что у него еще есть выход - он всегда может телеграфировать Шурочке, что не согласен жить с ее ребенком...

Писал и не отправлял ставшее чудовищно длинным, датированное многими днями письмо: ему было страшно, он больше не хотел быть один.

Людмила Чирикова получила эту летопись с припиской: Билибин телеграфировал Шурочке, что ждет ее вместе с сыном в Каире. Огромное письмо заканчивал трезвый, здравомыслящий и очень печальный человек - Билибин желал «Милочке» счастья, предлагал найти ей хорошего жениха, обещал вспомнить о ней перед смертью и, словно старая преданная собака, вильнуть хвостом...

Письмо отправилось в Берлин, и Билибин начал готовиться к приезду Шурочки. Новая жизнь его пугала, а то, что формально он был женат, и вовсе сводило с ума. А ну как первая жена, Мария Яковлевна Чемберс, оставившая его еще в 1911 году, так и не даст развода? Прежде она отказывалась разговаривать на эту тему - неужели у него так и не будет нормальной семьи?

«Мама приказала топор!»

Зимой 1922 года в Каире стояла жара, а в Петрограде трещали двадцатиградусные морозы. В бывшем доме купцов Елисеевых, теперь ставшем общежитием «Дома искусств», повсюду стояли буржуйки, но дров для них не было.

Здесь жили поэты **Осип Мандельштам** и **Владимир Ходасевич**, прозаик **Александр Грин**, художник **Мстислав Добужинский**, соседкой Шурочки была писательница **Ольга Форш**. Писатели отапливались черновиками, художники всегда могли сжечь подрамники. В комнате Щекатихиной-Потоцкой было минус два градуса, и ее шестилетний сын **Славчик**, за белые волосы прозванный в общежитии Одуванчиком, стучался в соседние комнаты, беспокоя их обитателей одной и той же ворчливой просьбой:

- Моя мама приказала топор!

Топора ни у кого не нашлось, и Шурочка расколола подрамник, с размаху на него сев. Теперь у них были дрова: в комнате чуть потеплело, можно было праздновать Рождество. На полу стояла маленькая, выращенная в цветочном горшке елка. Ее украшали развешанные на ниточках телеграммы Билибина, а к верхушке деревца была прикреплена свеча.

Шурочка пригласила гостей и праздновала Рождество. Славчик дудел на гребенке с папиросной бумагой «цыпленка жареного», она танцевала в бумажном кокошнике. На полу стоял подарок жениху - полотняный мешочек с гречкой. В Египте гречки не было, Шурочка выменяла ее на свою лучшую картину.

Новые порядки

А в Каире сходил с ума Билибин. Сперва его забавляли коротенькие Шурочкины письма, то, что она называла его то князем Игорем, то Садко, то коханным и сетовала, что у нее нет ковра-самолета. Потом знакомые начали над ним подшучивать: он-де помолодел и выглядит как влюбленный, хотя не видел выписанную им по телеграфу женщину пять лет.

Затем невеста перестала отвечать на его телеграммы, и он забеспокоился. Шурочка писала, что еле держится на ногах от общей усталости, что ее мальчик тоже плох - уж не случилось ли какой-нибудь беды?

Билибин перевел в Петроград еще 20 фунтов, написал Людмиле Чириковой: не может ли она через имеющих связь с Петроградом знакомых навести справки об Александре Васильевне Щекатихиной-Потоцкой? И Шурочка нашлась: 13 февраля 1923 года она и Славчик приплыли в Александрию на пароходе с пышным названием «Семирамида».

Щекатихина-Потоцкая и Билибин пришлись друг другу, как две части единого целого. Вскоре выяснилось, что Шурочка бережлива, деспотична и ревнива: в доме на улице Антик-хана установились новые порядки. Выписанная из Петрограда жена взяла в свои руки хозяйство, от свалившейся на него ответственности Билибин на время перестал пить.

К тому же после приезда Шурочки на него посыпались заказы: от жены египетского паши, от швейцарских и американских туристов - почти на тысячу фунтов! Работы Билибина покупали миллионеры и придворная знать, а он морщился: *«Они дают нам грязные бумажки, мы отдаем им свои детища. И эти люди думают, что делают нам одолжение!..»*

Щекатихина-Потоцкая была довольно известной художницей, в России она работала на государственном фарфоровом заводе. В Каире Шурочка оборудовала небольшую фарфоровую мастерскую и принялась торговать расписными сервизами. Некоторые тарелки были отделаны в духе советского агитационного фарфора: изображениями серпа и молота и надписями «РСФСР» - революционную экзотику охотно покупали англичане.

Впереди была долгая жизнь...

Жизнь оказалась счастливой. У Билибина отлично прошла выставка в Александрии, они с Шурочкой и Славчиком перебрались в этот европеизированный по сравнению с Каиром город...

Дела шли хорошо, и когда Щекатихина-Потоцкая решила, что им надо жить в Париже, они приехали туда обеспеченными людьми - с большим багажом и солидным запасом заработанных в Египте фунтов стерлингов.

Затем начался экономический кризис: русская эмиграция обнищала, художники стали бедствовать. Билибин мог хорошо устроиться в Чехословакии, но в Праге он запил. У него открылась выставка в Голландии, но больших денег она не принесла, так как он запил и в Амстердаме.

В 1936 году их семья вернулась в СССР, и их хорошо приняли, дали им квартиру в доме №25 на Гулярной улице, нынешней улице Лизы Чайкиной. Шурочка вернулась на фарфоровый завод, а он преподавал в Академии художеств, работал для театра, оформлял книги.

Неизвестно, сдержал ли Билибин давнее обещание и вспомнил ли в свои последние минуты Людмилу Чирикову, к тому времени вышедшую замуж за бесцветного, но доброго и надежного человека и благополучно жившую в США.

Художник отказался эвакуироваться и умер в 1942 году, в блокаду, в возрасте 66 лет. Похоронен он в братской могиле профессоров Академии художеств возле Смоленского кладбища.

Литература:

1. Голынец Г. В. Иван Билибин. - Л., Аврора, 1988.
2. Голынец Г. В. И. Я. Билибин. - М., Изобразительное искусство, 1972. - Стр. 5.
3. Иван Яковлевич Билибин. 1876-1942 :Альбом/ Авт.-сост. Т. Ф. Верижникова. - СПб., 2002.
4. Иван Яковлевич Билибин: Статьи, письма, воспоминания о художнике / Сост. С. В. Голынец. -Л., 1970.
5. И. Я. Билибин в Египте (1920-1925): Письма, документы и материалы/Сост., предисл. и примеч. В. В. Беляков. - М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына / Русский путь, 2009.
6. Липович И. Н. Иван Яковлевич Билибин. - Л.: Художник РСФСР, 1966. - 60 с. - (Серия «Народная библиотечка по искусству»). – Тираж: 20 000 экз.
7. Мышкин А. Две жизни Ивана Билибина/Альберт Мышкин// Караван историй .- 2013.- №1.
8. Семёнов О. С. Иван Билибин. - М., Детская литература, 1986.
9. Судейкина В. А. Дневник 1917-1919 / Подг. текста, вступ. статья, коммент. И. А. Меньшовой. - М.: Русский путь, 2006.

Портрет Ивана Билибина кисти Б Кустодиева 1901 год

Библибин - Иван-железная рука

7дней.ru

Бибин и сестры Чириковы

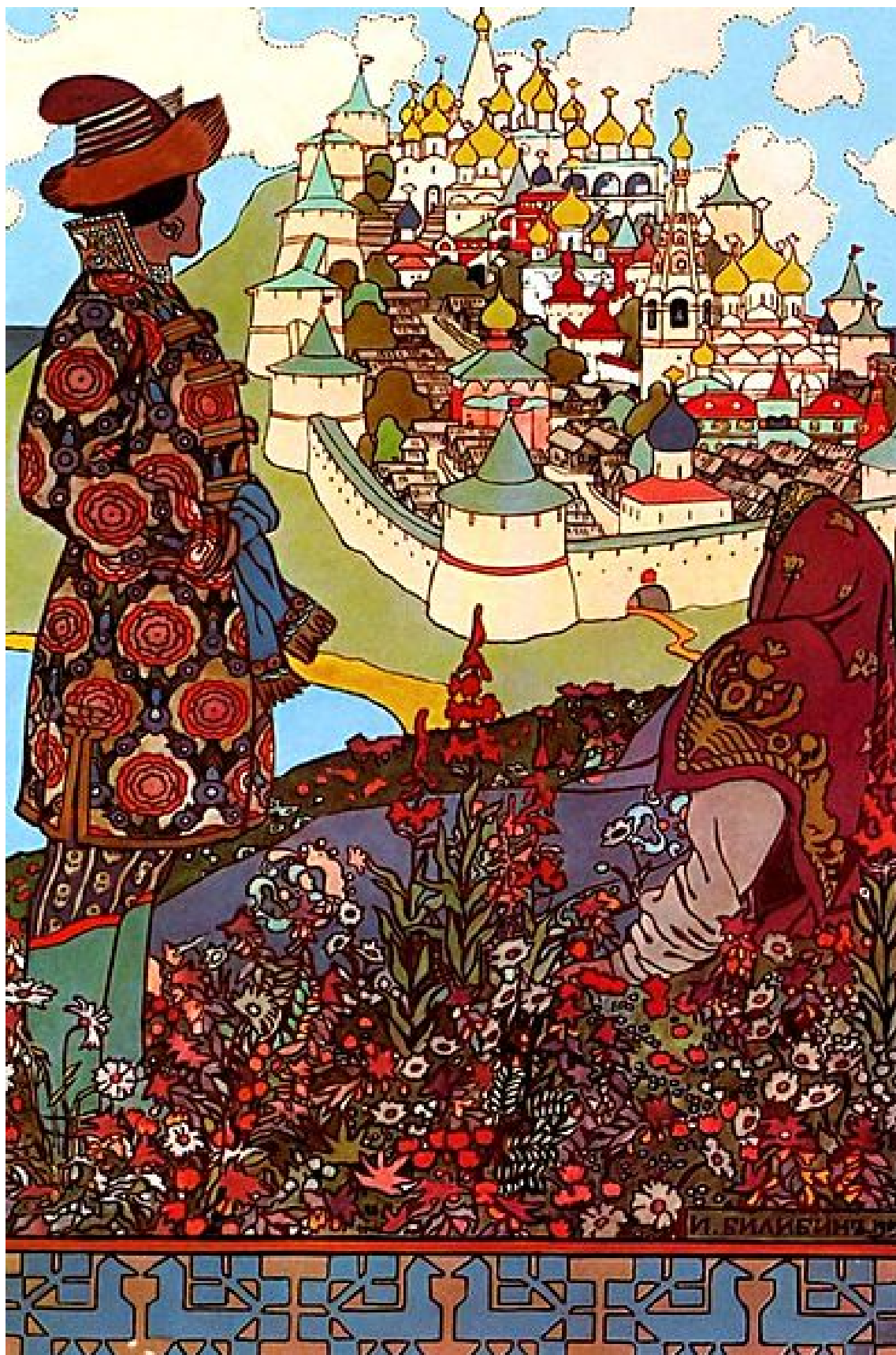
Щекатихина -Потоцкая Шурочка

Библин И и его иллюстр к сказке Василиса Прекрасная

Билибин И Иллюстрация к сказке об Иване Царевиче

- Билибин И Остров Буян 1905 г